

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Нилин

Текстовая экспликация концепта «Жестокость» в повести Павла Нилина

Н. М. Орлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлова Надежда Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, nador2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-6489>

Аннотация. В статье рассматривается текстовая экспликация ключевого и заглавного концепта повести Павла Нилина «Жестокость». Место этого ментального образования в языковой и когнитивной картине мира представляется чрезвычайно важным, несмотря на различия в подходах разных ученых к его пониманию. В большинстве общественных наук (в психологии, философии, социологии) жестокость сближается с агрессией и насилием; филологические исследования рассматривают феномен жестокости как литературный мотив или концепт и его вербализацию в парадигме текстов, созданных в разные эпохи. Развертывание концептополя «Жестокость» реализуется в неразрывной связи с полем «Милосердие»; указанная связь имеет прочную основу в русской языковой и когнитивной картине мира и подтверждается лексикографическими данными. В тексте, который стал предметом анализа в настоящей статье, содержатся как многочисленные указания на наличие концепта «Жестокость», так и прямые/косвенные данные, свидетельствующие о концепте «Милосердие». Милосердие как одно из основополагающих христианских нравственных качеств и добродетелей, проявление любви и правды противопоставляется лжи и предательству – компонентам концептосферы «Грех», которая, в свою очередь, вербализует гиперконцепт «Тьма». Речевые характеристики героев, текстовые маркеры и развернутые контексты насыщены лексическими компонентами, вербализующими указанные концептополя; при этом номинант концепта («жестокость/жестокий») практически не употребляется. Осмысление революционных событий в эпоху оттепели демонстрирует своеобразие смыслового наполнения концепта у данного автора: этот исторический период формирует в его структуре смысловой компонент «ложь», который становится актуальным для текстов позднесоветского и постсоветского периодов.

Ключевые слова: концепты «Жестокость» и «Милосердие», художественный текст, Павел Нилин

Для цитирования: Орлова Н. М. Текстовая экспликация концепта «Жестокость» в повести Павла Нилина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 335–339. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-335-339>, EDN: ZIDWMF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Text explication of the concept “Cruelty” in the novel by Pavel Nilin

N. M. Orlova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nadezhda M. Orlova, nador2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-6489>

Abstract. The text explication of the key and title concept of Pavel Nilin’s novel *Cruelty* is considered in the article. The place of this mental formation in the linguistic and cognitive picture of the world is very important, despite the differences in the approaches of different scientists to its understanding. Cruelty is equated with aggression and violence in most social sciences (psychology, philosophy, sociology). Philological studies consider the phenomenon of cruelty as a literary motif or concept and its verbalization in the paradigm of texts which are created in different epochs. The interpretation of the concept field “Cruelty” is realized in close connection with the field “Mercy”. This connection has a significant basis in the Russian linguistic and cognitive picture of the world and is confirmed by lexicographic data. Numerous indications of the existence of the concept of “Cruelty” and direct/indirect data indicating the concept of “Mercy” are contained in the text, which has become the subject of analysis of this article. Mercy as one of the fundamental Christian moral qualities and virtues, the manifestation of love and truth is opposed to lies and betrayal, which are components of the concept sphere “Sin”, which, in turn, verbalizes the hyperconcept “Darkness”. The speech characteristics of the characters, text markers and contexts are saturated with lexical components that verbalize these conceptual fields. At the same time, the name of the concept “cruelty/ cruel” is practically not used. The comprehension of revolutionary events during

the thaw period demonstrates the uniqueness of the semantic content of the concept in the texts of this author. This historical period forms in the author's understanding the semantic component "lies", which becomes relevant for the texts of the late Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: concepts "Cruelty" and "Mercy", literary text, Pavel Nilin

For citation: Orlova N. M. Text explication of the concept "Cruelty" in the novel by Pavel Nilin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 335–339 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-335-339>, EDN: ZIDWMF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

К анализу структуры концепта «Жестокость», социально-психологического понимания феномена жестокости и вербализации этого ментального образования в языке и речи неоднократно обращались ученые в разных парадигмах человеческого знания – философы, правоведы, психологи, педагоги, лингвисты [1–3 и др.].

Хотя четкой и однозначной дефиниции жестокости не выработано, реальное существование этого концепта и его важное место в когнитивной картине мира представляется несомненным. В большинстве известных психологических, криминологических, антропологических и социологических работ насилие, агрессия и жестокость рассматриваются в рамках теорий агрессивности и вайленсиологии как близкие (синонимичные) понятия. В сущности, в языке эти понятия тоже максимально сближаются: «...концепт "жестокость" означает "проявление агрессии", "безжалостность", "беспощадность", "грубость" по отношению к чему-либо, кому-либо» [4, с. 105]. Несмотря на то что ряд исследователей подчеркивает необходимость различения терминов *жестокость* и *агрессия*, *агрессия* и *насилие* вербализуют концептополе «Жестокость».

В философском осмыслении жестокость представляет собой одно из худших качеств homo sapiens; оно перманентно и имплицитно содержится в сознании в относительно благополучные времена и проявляется в конфликтных ситуациях. Взаимосвязь жестокости с неблагоприятными периодами в истории человечества, с войнами и столкновениями рассматривается в работах Николая Бердяева; общественное сознание кровавых эпох в истории подвергает милитаризации образ окружающего мира [3, с. 159]. Впрочем, в понимании Бердяева процесс всякой жизни может быть рассмотрен как жестокий и болезненный: «Рост жизни всегда сопровождается болью. Когда мы творим жизнь, мы совершаем много жестокостей и много жестокостей совершается над нами <...>. Есть жестокость и болезненность во всяком процессе развития, во всяком выходе из состояния покоя и бездвижности, во всяком восхождении» [1, с. 381–382]. Осознание жестокости как неотъемлемой составляющей земного бытия близко к идеологии

и эстетике Театра Жестокости (Крюотического театра) Антонена Арто и его последователей [5, с. 55–56], несмотря на то, что «жестокость» в этой концепции понималась весьма субъективно – как составляющая творческого акта. Перечисленные подходы дают возможность приблизиться к пониманию понятийного уровня рассматриваемого концепта. Его этимологический уровень был рассмотрен, в частности, Е. Е. Стефанским и К. Г. Красухиным [6]. Интересны также работы Стефанского, в которых доказывается синкретизм древнего славянского концепта «лютость» *ljutostь, совмещение в его смысловой структуре таких противоположных понятий, как «жестокость» и «милосердие» [7].

В филологических исследованиях феномен жестокости обычно рассматривается как литературный мотив или концепт и его вербализация в рамках разножанровых текстов [8, 9, 4 и др.].

Особый взгляд на понятие «жестокость» представлен в работах, поднимающих проблему жестокости в Библии. Так, о жестокости хозяина упоминается в Притче о талантах: «Господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал» (Мф 25: 14–29, Лк 19: 11–27). Поле «Жестокость» эксплицировано в сознании современных авторов и читателей многочисленными прецедентными отсылками к библейскому тексту: концептом «Молох», сохранившим библейский смысловый квант и остающимся символом жестокой, неумолимой силы, требующей человеческих жертв; ситуациями «Жертвоприношение Авраама» [10, с. 254–256], «Сарра и Агарь» и др. В библейской «жестокости» есть смысл, который выше понимания земного человека, недоступен ему; он прочитывается во многих ситуациях: например, в изгнании и страданиях Агари реализован промысл Божий, ее грядущее предназначение [11, с. 253–256].

Приступая к исследованию экспликации концепта «Жестокость» в повести Павла Нилина [12], мы выдвинули ряд предположений. Прежде всего, о наличии такого текстового (и текстообразующего) концепта в смысловой и сюжетной структуре произведения свидетельствует заголовок – важнейший компонент, находящийся в абсолютно сильной текстовой позиции. Развер-

тивание концептополя «Жестокость» реализуется в неразрывной связи с полем «Милосердие»; при этом художественный слой обоих концептов предполагает наличие индивидуально-авторских смысловых квантов. Наконец, учитывая как период написания книги, так и исторический фон событий, о которых в ней повествуется, вероятно обнаружение в структуре концептов неких коннотаций, свидетельствующих о смысловой динамике этих когнитивных образований.

Взаимосвязь полей «Жестокость» и «Милосердие» имеет прочную основу в русской языковой и когнитивной картине мира. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Ассоциативного словаря, где «милосердие» отмечено в числе реакций к стимулу «жестокость»: кровь, насилие – 4; злость, ужасная, человека – 3; бессмысленная <...>, милосердие – 2 [13]. Косвенные свидетельства содержатся в Большом академическом словаре, толкующем устойчивое сочетание «без милосердия» как «с большой жестокостью, без снисхождения». Другие лексикографические данные убедительно говорят о наличии связи не только между номинантами (именами) концептов, но и остальными членами, образующими лексико-семантические поля этих ментальных образований (*доброта, гуманизм* и под.). Так, М. Р. Львов [14] дает антонимичную пару «гуманный – жестокий» («гуманность – жестокость») с уточняющими синонимическими рядами: *человечный, отзывчивый – крайне суровый, беспощадный, бесчеловечный*. Приводимая им цитата из «Романа кисейной девушки» Дм. Писарева (*Люди могут быть деятельными или праздными, гуманными или жестокими <...>, смотря по тому, в какую сторону направляется в данную эпоху господствующее течение идей*) как нельзя лучше подчеркивает релятивизм этих понятий, во многом зависящих от общественных и нравственных воззрений эпохи. Не исключено, что по этой причине лексема «милосердие» (как социально непопулярная и отчасти сомнительная) не включена автором «Словаря антонимов русского языка» в синонимический ряд с доминантой «гуманность»; заметим, однако, что она могла активно употребляться советскими писателями: *Неизвестный солдат по простому солдатскому милосердию прислал родным письмо [о гибели друга], деньги и вещи покойного* (Борис Горбатов. Мое поколение); см. также [15]. Однако вербализация поля «Жестокость» в текстах была, как правило, более отчетливо выраженной и эксплицированной значительно большим количеством компонентов. Так, в небольшом рассказе-притче Василия Сухомлиного «Жестокость» детально

описаны и погибающий щенок, и замерзающие люди, к которым на протяжении жизни нескольких поколений проявляется жестокое отношение; говорится также о реакции юных представителей семьи – тех, кого еще не поразил смертоносный вирус жестокости (*Яша заплакал, Ивась заплакал*), но ни о милосердии, ни о жалости не упоминается.

Лексическое поле концепта «Жестокость» вербализовано в рассматриваемой повести в эпизодах, связанных с деятельностью банд, которыми «кишмя кишела вся тайга вокруг Дударей» [12, с. 5] (*бандиты, банда, убивать, грабить, обобрать, озоровать, нападать, поджоги*, ср.: *банда вечером устроила засаду, убила трех кооператоров, обобрала несколько крестьянских подвод*), в описании смертей, убийств, увечий и ранений, полученных сотрудниками уголовного розыска на войне и в столкновениях с бандитами (*потерявший на гражданской войне два ребра, три пальца; стрелять, наколотить, срезать (=убить), стукнуть (=ранить); лент нарежет и под.*). Насыщенность текста этими компонентами чрезвычайно велика. Так, частота употребления дериватов словообразовательного гнезда глагола «убить» – 75 словоупотреблений; существительного «смерть» – 15; мёртвый – 11; о бандах и бандитах упоминается свыше 160 раз. Указанные лексические маркеры играют важнейшую роль в текстообразовании: в большинстве случаев они служат цели описания эпохи (реально одной из наиболее жестоких в истории страны), однако наиболее существенными для реализации авторского замысла представляются контексты, в которых эти же маркеры служат цели столкновения понятий «жестокость» и «милосердие» (гуманизм): *Ты смотри, куда он ему попал, – расстегнул на мертвом бекешу Венька. – Прямо в самое сердце. Вот свинья худая! Ну кто его просил убивать мальчишку?* <... > [12, с. 12].

Прямые и косвенные указания на наличие концепта «Милосердие» связаны с лексическими маркерами «жалость», «<мелкобуржуазная> мягкотелость», «христианская мораль», «монашек» (ср.: *вроде как монашек повел себя; будто ты правда монашек* [12, с. 156]), «слезы», «спасение» (*это ты меня спас*) – в сценах наказания комсомольца, участвовавшего в крещении младенца. Textoобразующую функцию рассматриваемые концептополя выполняют в ситуациях и сюжетных ходах, так или иначе связанных с Лазарем Баукиным, Узелковым, Иосифом Голубчиком, начальником уголовного розыска. Милосердие как одно из основополагающих христианских нравственных качеств и добродетелей, прояв-

ление любви и правды, противопоставляется лжи – как компоненту концептосферы «Грех», которая, в свою очередь, вербализует гиперконцепт «Тьма» [16, с. 106]. Источник лжи – дьявол (*ибо он лжец и отец лжи* (Ин. 8:44)). Ср.: *Любовь <...> не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине* (Кор. 13.1); *С самого рождения отступили нечестивые, от утробы матери заблуждаются, говоря ложь. Яд у них – как яд змеи, как глухого аспида* (Пс. 57.5).

Нами было установлено, что в более поздние периоды советской истории в концепте «Тьма» актуализируются смысловые кванты, связанные с ложью; *тьма* и *ложь* выступают как изоконцептуальные понятия, и концептосфера 'тьма' приобретает примерно следующие очертания: *тьма – ложь – показуха – фальсификация – обман – тайна, притворство – молчание* [17, с. 31–33]. Текст повести Нилина служит убедительным свидетельством того, что *ложь* как одно из греховных свойств человеческой природы была востребована с первых дней существования молодого государства рабочих и крестьян и приняла самые жестокие формы. Именно ложь причиняет Малышеву невообразимые страдания (к убийствам, смертям и крови, в том числе его собственной, у него отношение более спокойное и амбивалентное). Речевые характеристики героев, текстовые маркеры и развернутые контексты насыщены лексическими компонентами *обман, ловчить, жульничать, врать* и т.п. Не случайно абсолютное начало текста связано с именем Якуза-Узелкова, главного и явного лжеца, основного виновника трагической развязки, а его появление странным образом вызывает у рассказчика желание поведать об уголовниках-мошенниках, обманщиках (*я подумал тогда, что ему интересно будет узнать про аферистов, про разных фармазонщиков, шулеров и трюлистныхников* [12, с. 3–4]). Диалоги Малышева и Узелкова наиболее отчетливо вербализуют концептосферу «Ложь»: *...если бога нет, значит, можно врать и обманывать; не может быть, что есть какие-то тезисы, по которым надо врать и наказывать невинного, чтобы чего-то такое кому-то доказать* [12, с. 123–125], и т.д.). Несомненно, что концептосфера «Жестокость», кроме компонентов, прямо указывающих на агрессию, кровопролитие и отсутствие милосердия, дополнено важнейшим компонентом «Ложь». Финальные сцены повести содержат имплицитный смысловой квант «предательство», являющееся, по существу, следствием почти всеобщего стремления солгать: начальником уголовного

розыска обманут Малышев и предан Лазарь Баукин, Узелков с видимым удовольствием предаст Малышева; невольное предательство совершает Юля. Поскольку система персонажей и сюжет завязаны на Малышеве, именно он становится жертвой обмана и предательства, которые оцениваются как самая страшная жестокость, через многие годы оставившая в душе повествователя неослабевающее чувство «скорби, гнева и сожаления» [12, с. 223].

Одним из наиболее интересных способов текстовой реализации концепта является его экспликация без употребления лексем-номинантов (имен) данного концепта. В таких случаях особенно актуальными и горячими бывают споры о «смысле названия» художественного произведения. Подобная особенность в высшей степени характерна для языка повести Нилина: с номинантом «жестокость» так или иначе связано единственное словоупотребление (в реплике начальника, мечтающего применить к Баукину «самые жестокие меры»). Второе упоминание о жестокости могло быть расценено читателем как шутивная гипербола разговорной речи (*Все-таки, Вениамин, ты извини меня, но ты очень жестокий человек <...> Неужели ты не способен понять, что беседа с Воронцовым мне нужна не для игры, а для работы?* [12, с. 206]), если бы непосредственно за этой репликой Узелков не проявил реальной и окончательной жестокости, предательства, злобной мстительности – всего того, что смертельно ранило Малышева, хотя ему суждено прожить еще несколько часов. Его поведение становится болезненным (*у него было какое-то странное лицо, будто он в самом деле тяжело заболел, усталым и безразличным (мне все равно; механически повторил)* [12, с. 207–208]); осознание того факта, что он невольно также стал обманщиком и предателем, быстро приводит к физической гибели.

Таким образом, концепт «Милосердие», смысловые кванты которого отчетливо ощущаются в начале и особенно в центральной части повествования, неразрывно связан в повести с образами жестокости в разных ее проявлениях. Столкновение и контраст этих понятийных категорий делают главного героя поистине трагической фигурой. Милосердие осмысливается автором и социумом как проявление гуманизма, жалости, христианства, человеколюбия (перечисленные лексеммы – компоненты концептосферы «Милосердие»); в этот исторический период в нем отчетливо эксплицированы смысловые кванты резко отрицательной аксиологической оценки. Напротив, оценка проявлений жесто-

кости в целом положительна; осознание трагической непоправимости жестокости, лживости и предательства приходит к нарратору лишь в заключительных сценах повести.

Ментальное образование «жестокость», являющееся фрагментом мегаконцепта «Тьма», входит в один понятийный ряд с другими концептами, образующими образ тьмы, в первую очередь с концептами «Ложь» и «Предательство»; такое представление о жестокости было для советской литературы в высшей степени новым, выводящим читателя на более высокий уровень понимания социально-философских проблем революции [18, с. 345]. Оттепельное осмысление революционных событий и истоков формирования советской концептосферы со всей отчетливостью демонстрирует своеобразие смыслового наполнения рассматриваемого концепта: этот период дал импульс для формирования в его структуре кванта «ложь», который обладал редкой устойчивостью и в дальнейшем стал характерен для текстов позднесоветского и постсоветского периода.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Психология войны и смысл войны // Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Судьба России. М. : ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 381–385.
2. Антонян Ю. М. Общий очерк о преступном насилии // Человек против человека. Преступное насилие : сб. ст. / под общ. ред. Ю. М. Антоняна, С. Ф. Милюкова. СПб. : ВНИИ МВД РФ, 1994. 164 с.
3. Разиньков М. Е. Причины, формы, психологические последствия проявлений «боевой жестокости» в Гражданской войне // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11) : в 4 ч. Ч. 2. С. 156–160. EDN: OEWJCSX
4. Михайлушкина О. А. Вербализация концептов «Жестокость», «Приспособленчество», «Самопожертвование» в творчестве В. П. Астафьева (на материале рассказа «Пролетный гусь») // Вестник ЦМО МГУ. Литературоведение. Анализ художественного текста. 2015. № 4. С. 105–111.
5. Доценко Е. Г. Детские страхи в новом британском «Театре жестокости»: пьесы для детей и их родителей // Филологический класс. 2012. № 27. С. 55–59.
6. Красухин К. Г. Жесткость – жестокость: история слов // Литература. 2000. № 37. С. 2–3.
7. Стефанский Е. Е. Концепт *ljutostь в повести Куприна «Поединок» и мифологическое сознание древних славян // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1 (35). С. 70–75. EDN: SHQNL
8. Чернова И., Сергеев В. А. Мотив жестокости в немецкой литературной сказке (на примере цикла сказок В. Гауффа «Караван» 1825 г.) // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых / отв. ред. Н. А. Андромонова : сб. ст. Казань : КГУ, 2003. С. 213–216.
9. Подобрий А. В. Культурно-религиозная составляющая концептов «Милосердие» и «Жестокость» (на примере «Конармии» И. Бабеля) // Мировая литература в контексте культуры. 2010. № 5. С. 178–181.
10. Орлова Н. М. Прецедентный потенциал Библейской ситуации // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 6. С. 254–263.
11. Орлова Н. М. «В пустыне ведшие Агарь»: библейское имя в славянских языках // Славянские языки, этносы и культуры в современном мире : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Л. М. Васильева. Уфа : БГУ, 2021. С. 253–259.
12. Нилин П. Ф. Жестокость : Повесть. М. : Детская литература, 1982. 223 с.
13. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. М. : Астрель – АСТ, 2002. 784 с.
14. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М. : Русский язык, 1984. 384 с.
15. Савватеев В. Я. Жестокость войны и тепло гуманизма: военная проза конца 1950–60-х гг. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Литература и история / отв. ред. Ю. А. Азаров. М. : ИМЛИ РАН, 2020. С. 294–316. EDN: HNBVEJA
16. Орлова Н. М. Роль исторического словаря в анализе поэтического текста // Актуальные тренды в современном образовании : сб. науч. тр. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 105–109. EDN: GMJHDC
17. Орлова Н. М. Концепт «тьма» в литературе non fiction // Вестник педагогического опыта. 2017. № 39. С. 28–34.
18. Сухих О. С. Своеобразие концепции личности и революции в повести П. Нилина «Жестокость» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 5, ч. 1. С. 342–345. EDN: NCBGOD

Поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 30.06.2023